

Ксения Стольная

Денис Береснев в роли Александра Адуева

Спектакль «Обыкновенная история» по одноименному роману Ивана Гончарова поставил в Московском драматическом театре «Сфера» главный режиссер театра народный артист России Александр Коршунов.

Литературной основой послужила инсценировка Виктора Розова, что шла в «Современнике» в режиссуре Галины Волчек с Олегом Табаковым и Михаилом Козаковым в главных ролях. В 1970-м вышел одноименный фильм-спектакль.

Роман Ивана Гончарова позволяет по-разному интерпретировать образы героев. Характер Александра Адуева представлен автором объемно. В нем есть изнеженность, инфантильность, неустойчивость перед жизненными испытаниями. В то же время это добрый, нежный и одухотворенный человек. Исходя из текста, сложно однозначно судить, насколько одарен Александр творческими способностями и что преобладает в его натуре – нервное себялюбие или жажда служения отечеству и людям. Читатель волен самостоятельно решить, что на самом деле происходит с героем в финале: искренне ли доволен Александр новой, с виду благополучной, жизнью или обозлен, или равнодушен и холоден, и осталось ли в нем что-то от него прежнего. Неоднозначность предоставляет свободу в толковании. И хотя спектакли «Современника» и «Сферы» поставлены на основе одной инсценировки, в решении роли есть различия.

Олега Табакова в роли Адуева отличает большая сдержанность. Насыщенное внутреннее переживание выносится им на поверхность лишь отчасти. Денис Береснев выражает душевную жизнь своего героя ярко, крупно, экспрессивно. В его случае даже холодность или разочарование не лишены, как это ни парадоксально, страсти. Открытый темперамент в этой роли опасен: велик риск вызвать насмешку вместо сопереживания. Но актер с задачей справляется, в спектакле между ним и сценическим образом дистанции нет, что позволяет создать роль основательную, чувственно оправданную и живую.

В самом начале Александр предстает нежным восторженным юношей. В первой сцене спешно, но аккуратно укладывает вещи в чемодан. Взгляд останавливается на букетике полевых цветов, стоящем на столе. Александр любит искусство, затем поднимает глаза, смотрит вверх зрителей – будто воображает картины будущего. Весь его облик выражает состояние светлой грусти и радостного волнения от предстоящих перемен.

Во время прощального разговора с мамочкой Александр взбудоражен, глаза горят, мыслями он уже не здесь. Молодой Адуев выпивает залпом несколько стаканов чая, быстро ест, листает книги, изредка поглядывая на мать, пока она размеренно и основательно делает свои

ласковые наставления. Он смотрит на нее с любовью и нежностью, но как только она отворачивается, перестает ее слушать.

Будущее кажется ему светлым. Александр обнимает мать и весело, беззаботно произносит: «Если я вас забуду, Бог меня накажет». Он уверен – подобного не случится. Он полон сил, внутреннего огня. По сцене не ходит, а будто летает, без конца в движении, с лица не сходит улыбка. «Ма-а-аменька», «Со-о-онечка», – Александр смотрит на свою родительницу и на девушку, в которую влюблен, с застенчивой лаской и словно поет – говоря с ними, многозначительно растягивает гласные. Одним только обращением и взглядом заменяет многословные объяснения. Прижимаясь к матери на прощание, ласково гладит ее по спине.

По приезду в Петербург Александр оказывается у дядюшки, которого блестяще играет народный артист России Дмитрий Ячевский. Денис Береснев с шумом выбегает на сцену. Широко расставив руки, растопырив пальцы и глубоко дыша бросается к старшему Адуеву. Резкий контраст: сдержанный отстраненный дядя и эмоционально открытый племянник. Александр смотрит на родственника с умилением и искренним восторгом. Глаза бесстрашно-широко распахнуты, тогда как дядюшка часто щурится. Интонация здесь иная: не поет, а восклицает, будто вся сила, что копилась в нем, готова выплеснуться наружу. Это энергичный человек, переполненный энтузиазмом и готовностью действовать.

«Я приехал... жить», – отвечает Александр на вопрос, зачем приехал, и широко разводит руками. Это «жить» актер произносит тихо, значительно и в мажорной тональности. Когда рассказывает о том, что привело его в Петербург, то возвышенные обороты речи звучат убежденно и искренно. Александр тщательно и мучительно подбирает слова, захлебываясь ими и веря в каждое из них.

«Это вещественные знаки невещественных отношений», – говорит он дядюшке и держит свои «святыни» (прядь волос и письмо Софьи) на открытых ладонях, готовый щедро делиться тем, что для него дорого. Петр Иванович волосы выбрасывает в окно, а письмом прикуривает сигару. То, что ценно душе, не полезно делу. «Значит, ты приехал делать карьеру и фортуна», – резюмирует Петр Иванович, и с силой хлопает ладонью по столу. Лицо Береснева покидает вдохновенная улыбка. Его герой впервые сталкивается с отсутствием взаимности: его чувства наталкиваются на ровный бесстрастный рассудок. Проза против поэзии, цинизм против романтики. Береснев играет открытое несогласие,

возмущение, почти гнев, больше похожий на детскую обиду. Но скоро обнаруживается слабая сторона его натуры – страдание по утраченным «святыням» длится не более нескольких секунд и исчезает без следа, когда дядюшка говорит: «Я почти нашел для тебя место». Александр с воплями восторга бежит к Петру Ивановичу, по-детски прыгает на диван рядом с ним, бросается целовать и обнимать.

Когда дядюшка диктует Адуеву письмо в деревню, тот пишет старательно, прилежно. На циничные, хотя в чем-то правдивые слова, откликается молчаливым несогласием, но не спорит. Его сила – в душевной мягкости. В ней же – слабость.

Старший Адуев читает вслух стихи Александра, и он с наивной гордостью смотрит на зрителей, все – поза, взгляд – выражает торжественное ожидание признания. Беззлобная, почти детская самоуверенность. Дядюшка просит племянника подарить ему свои творения. Тот, не помня себя от счастья, бросается собирать бумаги и взволнованно вручает их новому обладателю. Когда тот приказывает слуге пустить все это на обои, Александр тихо произносит: «Это... мои труды! Мои... мечты!» и на лицо ложится такое страдание, будто комнаты собрались оклеить его душой. Дядюшка, не обращая внимания, зовет его. «Иду!», – отрывисто отвечает Адуев. Первая твердая интонация. В глазах – холодная собранность.

Сцена, в которой герой счастлив более всего – встреча с возлюбленной Надеждой Александровной. «Хотите молока?», – спрашивает она. «Хочу-у-у», – отвечает он с упоением. В этой интонации сосредоточено все его состояние, отношение к окружающему миру: томительная жажда, радостное предвкушение. Голос снова становится бархатным, нежным, певучим. И движения становятся другими: не резкими, как с дядюшкой, а плавными и мягкими. Ступает еле слышно и осторожно, как будто боится спугнуть мгновение. Поднося Наденьке вазочку с клубникой, тихонько пританцовывает, а локтями делает такие движения, как если бы вместо рук были крылья. Новое чувство поднимает его надо всем, что было. А как он ест эту клубнику! Медленно вкушает, смакует каждый кусочек. Любовь подарила неповторимый вкус жизни, которым он смог насладиться. В сцене в саду Александр нежно обнимает Наденьку за плечи и говорит, как пойдут они по жизни рука об руку. Расставшись с ней, переполняемый радостью, он произносит монолог о счастье, страстно выкрикивает каждое слово, хватается руками за голову, смеется и пританцовывает.

Молодой Адуев непосредствен словно ребенок. Пока дядюшка договаривается о том, чтобы устроить его на службу, весело прыгает по лесенке. Он и трудится играючи, а окончив работу, делает бумажный самолетик и отправляет его в зрительный зал. Рассказывая Петру Ивановичу о своей возлюбленной, обнимает подушку и жмурится от удовольствия. Глубокое серьезное чувство выражается с детской непосредственностью, немного неуклюже. Герой Береснева не скован правилами, свободен и раскрепощен.

Адуев замечает в Наденьке перемену – она вдруг стала к нему холодна, и на его глазах выказывает расположение сопернику – графу Новинскому. Голос актера становится низким, строгим, немного дрожит. В интонациях – обида, требовательность, злость. Лицо искажает гримаса ярости. Прощаясь с княгиней – матушкой Надежды – грубо и с силой, не глядя на нее, жмет руку.

При следующей встрече с возлюбленной Александр бросается к ней, испытующе заглядывая в глаза. Спина бессильно сторблена. Адуев бьет ладонью по столу, кричит, одновременно чуть не плачет. Затем просит ответить, заменил ли кто-то его в ее сердце. «Да? Или нет?», – тихо произносит несколько раз. Сначала – с робкой надеждой, потом – с отчаянием. «Да», – отвечает она. Больше никаких движений, никаких слов – только напряжение всего тела.

Другие персонажи в спектакле эмоционально стабильны, у молодого Адуева перепады сильны, резки, мгновенны. Все или ничего, любовь или ненависть, счастье или горе.

За одну только короткую сцену, в которой отвергнутый влюбленный рассказывает дядюшке и тетушке о случившемся, он проходит несколько состояний. Сперва тихая ярость. Александр ходит по кругу, как зверь в клетке. Рассказ начинается тихо и сдержанно, постепенно переходит на крик, тяжело дышит, размахивает руками и всем поведением выражает решительную готовность мстить. Затем снова затихает. Береснев показывает и горечь неумолимо подступающего отчаяния, и тщетные попытки его подавить. Не в силах больше сдерживаться, Александр бросается на диван, содрогаясь от беззвучных рыданий. «Я не хочу жить!», – повторяет трижды. Резкий контраст с недавним: «Я приехал... жить!» и «Хочу-у-у».

Во втором действии на Александре – темные брюки, темно-серое пальто, белая рубашка, коричневый жилет, черный шейный платок и черные же туфли. На прогулке встречает единственного своего друга.

«Обыкновенная история». Театр «Сфера».
Д. Береснев – Александр Адуев. Фото В. Майонова

Адуев бросается к Пospelову, тот реагирует приветливо, но сдержанно, предлагает зайти, если понадобится помощь по службе или деньги. Оставшись в одиночестве, герой с презрением и досадой бросает: «Все – ложь!». Таков приговор миру, не отвечающему ему взаимностью.

Александр озлоблен, раздражен и мучительно переживает несоответствие действительности высоким идеалам. Противопоставляет себя обществу: «Я – не сделал людям зла» с ударением на «Я». В этой сцене ощутима необратимая душевная трансформация Адуева-младшего. В нем появляется болезненная гордыня обиженного человека.

Короткая вспышка надежды – письмо редактора! Александр смотрит с прежней ребяческой наивностью, читает торжественно, вдруг останавливается... Перечитывает... Голос становится все тише и неуверенней. Редактор сообщает, что литературного таланта у него «и следа нет».

«Как ты себя чувствуешь?», – слышит он вопрос. В романе, и в инсценировке, и в спектакле «Современника» он отвечает: «Покойнее, чем можно было ожидать». Герой Береснева эти слова пропускает и с усилием произносит продолжение фразы: «Чувствую, как человек, обманутый во всем». О.П. Табаков, кстати, произносит эти слова с каким-то пугающим, неожиданным спокойствием. В «Сфере» реплика опущена неслучайно: в герое совсем нет покоя. «Теперь я свободен», – с холодным мрачным облегчением добавляет Табаков.

Береснев же берет бумаги, отходит сторону и начинает все быстрее рвать их в клочья, почти рыча: «Хорошо, теперь я свободен!».

В интерпретации «Современника» Адуев первое время действительно влюблен в Тафаеву – молодую вдову, которую дядюшка попросил окрутить для своих корыстных целей. В спектакле есть сцены, где он нежно и страстно целует ее, а его – «Я и часа не могу без вас» – звучит искренне, от сердца. В варианте «Сферы» между любовниками нет ничего подобного. Александр сообщает тетушке, что любит Юлию, но в действительности ему рядом с ней тоскливо, душно и невыносимо. В первую их встречу Александр как неживой – что воля, что неволя. Волосы взъерошены, сам – ко всему безразличный, на Тафаеву смотрит с нескрываемой грустью. Юлия каждую секунду жадно смотрит на возлюбленного, обнимает, обвивает руками шею. В ответ получает взгляд, в котором смешаны раздражение, отвращение и жалость. Теперь он – тот, кто не отвечает взаимностью, о его холод разбивается чужая душа. Адуев на мгновение оживает, когда слышит от нее вопрос: «Разве ты любишь разумно?». Он резко вскакивает, кричит: «Конечно, нет!», – и бросается целовать. Ему становится страшно вдруг увидеть в себе то, что было так горячо им презираемо в других. Но, поцеловав, снова отстраняется. Любить не получается.

Между ними во время последней встречи глухой вакуум. Он надеялся возродить в себе способность к сильному искреннему чувству, а получилось, что эта связь только проявила душевное его бессилие. Открылось, что Александр сам не отвечает предъявляемым к себе требованиям. Когда к нему приходят тетушка и дядюшка, он лежит на диване, с головой завернутый в одеяло – спасительный кокон, отгораживающий его от жизни. На вопросы отвечает односложно, нервно, даже дерзко.

С усталостью произносит: «Неужели вы, дядюшка, сами никогда не поймете, что ваша, как вы думаете, суровая правда, есть на самом деле ложь! И я не могу разбить ее, потому что это железная ложь» (эти слова встречаются в инсценировке, в романе их нет).

Кульминационная сцена спектакля – монолог уезжающего из Петербурга Адуева: «У-у, прощай, каменная гробница лучших человеческих чувств, сильных движений души! Прощай, бесчувственный, жадный, лживый!.. В двадцать девять лет ты сделал меня стариком, убил во мне все человеческое!.. Ты проклятый!.. Ты ненавистный!.. Чтоб ты провалился в свои болота! Чтоб ты опять захлебнулся водой!.. Чтоб ты!.. Я ничто!.. Я ничто!.. Я ничто!..». В романе это внутренний монолог.

Табаков произносит его с тихими слезами горького разочарования, вовсе не жестикулируя. Сдержанное отчаяние сломанного человека. Береснев же в этой сцене кричит, глотает слезы, кулаком ударяет себя в грудь, словно пытается затолкать обратно все свои не востребуемые чувства и надежды. Ненависть, обида, боль выплескиваются наружу.

Вот он возвращается в Петербург после деревенских каникул – возвращается другой человек. В нем еще можно узнать юношу с желтым бантом на шее, но Береснев играет теперь с остервенением, и недобрым огнем в глазах.

Явная перемена, приключившаяся с Адуевым, отражена, конечно, и в инсценировке, и в спектаклях разных театров. Разнятся оттенки. У Розова, как и в романе, он как бы превращается в своего дядюшку. Табаков же играет куда более страшную метаморфозу. В его герое совсем не остается человеческого. Трепетную, ошибающуюся, нежную душу уничтожила машина «дела», успеха. Исказились черты лица, его выражение, мимика. Сам Табаков называл эту маску «кувшинным рылом». Истукан, испытывающий, похоже, только одну, пошлейшую эмоцию – самозабвенное довольство собственной неуязвимостью. Герой Табакова кажется живым только потому, что ходит и говорит, все остальное в нем мертво.

Финал спектакля «Сферы» не так безысходен, оставляет небольшую надежду на возможность обратной перемены Адуева-младшего. В нем все же узнаваем прежний Александр, нервный и несчастный. В его поведении в финальной сцене есть вызов и внутренняя истерика. Рассказывая о себе, внимательно всматривается в дядюшку и в лица зрителей с победной злостью – мол, довольны? Таким хотели меня видеть? На тетушку старается не смотреть, ведь ей за него больно, а это ему теперь ни к чему. Походка не степенная, скорее развязная, какая бывает у подростков. Говоря о деньгах, герой машет руками – как прежде при разговоре о любви. Радость в его жизнь приносят другие вещи, не те, что прежде.

Денис Береснев играет неприятного, скользкого, распущенного, самодовольного, но все же – человека, неуспокоенного, не остывшего. И это делает финал чуть более светлым, чем был в театре «Современник». Играя неоднозначный характер, актер избегает фальшивой идеализации своего героя в первой части спектакля, а в заключительной – не демонизирует его. Представляя нам Адуева-мл., Береснев говорит о ценности и хрупкости души и человеческих чувств.